

Oryginalna praca badawcza

ЕВГЕНИЯ ФЕДЧЕНКО

КИЕВСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ТАРАСА ШЕВЧЕНКА, КИЕВ

ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ ГЕНДЕРНО-СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ ДРЕВНЕГО РИМА: МИФ И ТРАДИЦИЯ

Słowa kluczowe: *гендерно-социальная структура, Древний Рим, мифология, традиции, сексуальность, неотрейдизм*

Key words: *gender-social structure, Ancient Rome, mythology, traditions, sexuality, neo-Freudism*

Проблема формирования гендерно-социальной структуры Древнего Рима приковывает к себе взгляды исторической науки уже в течении нескольких десятилетий. В настоящее время у нас имеется немало монографий, статей, а также исследований, в которых специалисты рассматривают те или иные проблемы, связанные с этой весьма важной научной темой¹. К примеру, известный американский ученый Холт Паркер выстроил график в своем фундаментальном труде «Тератогенная сетка»² – сетка «римской сексуальности», рассматривая проблему гендерных римских конструкций, где и выделил стандартные и трансгрессивные модели, сопоставив гендерные роли. Спустя время, его «конструкция» легла в основу многих классических трудов по данной тематике³. Рассматривая новые работы, также следует отметить научный вклад

¹ L. Foxhall, *Studying Gender in Classical Antiquity*, Cambridge 2013; M. Skinner, *Sexuality in Greek and Roman Culture*, Malden, MA 2005; R. Langlands, *Sexual Morality in Ancient Rome*, Cambridge 2006.

² H. Parker, *The Teratogenic Grid*, [in:] *Roman Sexualities*, eds. J. Hallett, M. Skinner, Princeton 1997, p. 47-63.

³ R. Karras, *Active/Passive, Acts/Passions: Greek and Roman Sexualities*, “The American Historical Review” 2000, 105/4, p. 1250-1265; S. Richardson, D. Kamen, *Revisiting Roman Sexuality:*

филолога-классика Энтони Корбейла, который выполнил безукоризненный анализ взаимодействия гендерной проблематики и латинской литературы в своем исследовании «Определение пола в мире: грамматический гендер и биологический пол в Древнем Риме»⁴. Выделив понятие «грамматический гендер», он изучает, каким образом оно влияет на культуру и историческое развитие древнеримского общества. Эту тему он так подробно раскрывает именно благодаря анализу значительного количества литературных источников.

Еще одним, не менее важным для нашего исследования является коллективный труд последних лет «Гендер, память, и идентичность в Римском Мире» (2019) под редакцией финского ученого Юсси Рантала⁵. В нем авторы, базирясь на таких важных понятиях как гендер, память и идентичность, пытаются проследить их взаимодействие и влияние на общественно-политическую жизнь Древнего Рима.

Впрочем, даже если опустить тот факт, что данная тема не была маргинальной для мировой науки, существует целый ряд вопросов, требующих ответа или уточнения. В нашей статье мы попробуем рассмотреть несколько важных аспектов, связанных с римской гендерно-социальной структурой в контексте популярной в тот период идеи «божественного провидения» и обратимся к теме сексуального насилия, которая прослеживается практически во всей ранней римской мифологии. Как известно, с этими сюжетами в первую очередь ассоциируется история происхождения римского народа, но мы попробуем взглянуть на некоторые мифы именно с точки зрения формирования гендерно-социальной структуры. При рассмотрении этого немаловажного вопроса мы также обратимся к морально-этическим нормам, известным как – *mos maiorum* («обычаи предков»), которые были «вписаны» в римскую коллективную память, регламентировав образ жизни римского народа в данную историческую эпоху.

Ключевыми источниками для данного исследования выбраны исторические труды таких авторов как Тит Ливий «История от основания города» и Дионисий Галикарнасский «Римские древности». Существенный интерес также составляет фундаментальная поэма латинского автора Вергилия «Энеида». Нельзя обойти стороной и биографический жанр, будучи ярко представленным греческим автором Плутархом и его «Сравнительными жизнеописаниями». Отдельную роль играют произведения римских морализаторов: Луция Сенеки и Марка Цицерона.

Итак, гендер и сексуальность являются социокультурными конструктами, формирующимися благодаря большому количеству факторов, ключевыми из которых являются гендерные тропы (культура, семья, общество). Именно поэтому для понимания формирования гендерно-социальной стратификации

Agency and the Conceptualization of Penetrated Males, [in:] *Sex in Antiquity: Exploring Gender and Sexuality in the Ancient World*, eds. M. Masterson, N. Rabinowitz, Routledge 2015, p. 449-460.

⁴ A. Corbeil, *Sexing the World: Grammatical Gender and Biological Sex in Ancient Rome*, Princeton 2015.

⁵ J. Rantala, *Gender, Memory, and Identity in the Roman World*, Amsterdam 2019.

Древнего Рима необходимо проследить историческое и культурное развитие общества, а также связанные с ним трансформации: от зарождения Рима как города и до заявленного нами периода в исследовании (I ст. до Р.Х. – I ст. после Р.Х.). Нам показалось целесообразным исследовать эту тему через призму концепции «социального характера» неофрейдистов⁶, в частности, предложенной американско-немецким психологом Эрихом Фроммом⁷.

История Древнего Рима конца Республики начала Принципата характеризовалась кардинальными изменениями в социально-политической и религиозной жизни. Фактически мы можем видеть государство, которое до I в. до Р.Х. завоевало колоссальные территории, став обладателем значительной части мира. На протяжении этого периода Риму удалось захватить большую часть Балкан, Македонии, Греции, Малой Азии, Леванта, Египта, Галлии, Испании и Северной Африки⁸. Вследствие этого в Рим начали поступать немалые средства, произведения искусства, и прежде всего – рабы.

Однако изменения коснулись не только территориальных границ, но и формирования гендерно-социальной стратификации Древнего Рима. Данную трансформацию невозможно проследить, изучая только социально-экономические процессы. Нам понадобится мифология, а также идеологические и психологические факторы, к которым мы и обратимся.

Разумеется, что при рассмотрении формирования гендерно-социальной стратификации Древнего Рима, нам стоит сначала отметить тот факт, что сама Империя образовалась из маленького поселения в Лации, куда стекался «не очень знатный люд» (Dion. Hal. Ant. Rom. I. 60.3-1.61.1, II. 2; Liv. I. 8,5; Plut. Rom. IX)⁹, стремящийся к доминированию и власти. Стремление доминирования во всех сферах, включая сексуальную, австрийский психолог Альфред Адлер достаточно убедительно смог объяснить, используя теорию «индивидуальной психологии»¹⁰. Согласно ей, субъект пытается компенсировать чувство собственной неполноценности, стремясь к власти над другими людьми¹¹. Как удалось проследить по упоминаниям в первоисточниках, большинство римлян не могли в то время похвастаться громкими фамилиями, знаменитым происхождением, давней родословной, что, очевидно, и сделало возможным формирование

⁶ Социальный характер, по определению Э. Фромма – совокупность черт характера, свойственная для большинства членов социальной группы, которая формируется впоследствии общих для них переживаний и образа жизни. См.: Э. Фромм, *Бегство от свободы; Человек для себя*, Минск 2000, с. 301.

⁷ Там же; Э. Фромм, М. Массоби, *Social character in a Mexican Village: Englewood Cliffs*, New York 1970; А. Адлер, *Практика и теория индивидуальной психологии*, Академический проект 2011.

⁸ T. Roderick, *Luxury at Rome: avaritia, aemulatio and the mos maiorum*, “Ex Historia” 2014, 6, p. 133; S. Ronald, *The Roman Revolution*, Oxford 2002, p. 15-16.

⁹ K. Hölkenskap, E. Stein-Hölkenskap, *Von Romulus zu Augustus. Große Gestalten der Römischen Republik*, München 2000, p. 38.

¹⁰ А. Адлер, *Практика и теория...*

¹¹ Те же, *Наука жить*, Киев 1997, с. 235-241.

вышеупомянутого комплекса. Именно поэтому не удивительно, что в основу своей идеологии они вкладывали теорию «предсказания судьбы» или «предопределения», а доминирование и эксплуатацию над завоеванными народами они оправдывали божественным благословением¹². Это, в свою очередь, приводило к созданию идеи «божественного провидения» с центральным тезисом о том, что несмотря на скромное происхождение города, он изначально имел в себе преднамерения к перерастанию в центр будущей великой империи со славной историей. Именно это мнение так ярко выражает Бог Юпитер в Энеиде латинского поэта Вергилия (Verg. Aen. I. 257-96). В свою очередь, стоит обратить внимание на тот факт, что наиболее популярными в теории «божественного провидения» являются два мифа: первый о создании города Ромулом и Ремом, сыновьями Бога войны Марса и весталки Реи Сильвии (Plut. Rom. XI; Dion. Hal. Ant. Rom. I. 79, 4; Liv. I. 1-2) и второй о происхождении римлян от троянского героя Энея (сына Венеры), потомком которого и провозглашает себя род Цезарей (Dion. Hal. Ant. Rom. I. 66; Verg. Aen. VIII. 415-429). Как можно проследить в обоих случаях, римляне подчеркивают, что их предки не были обычными людьми, а, скорее, полубогами (детьми божества и смертного). Этот «факт» и позволял им, пропагандировать идею «Вечного города» и возложенной на него Богами миссии – править всеми народами. В целом, благодаря этим мифам у нас появляется понимание процесса зарождения идеи доминирования римлян, а также их основных морально-этических ценностей¹³.

Однако в ходе нашего исследования, мы обратим больше внимание на доминирующую, практически во всей ранней римской мифологии тему сексуального насилия. «Акт насилия» будет рассматриваться нами как один из основных факторов, который повлиял на формирование гендерно-социальной стратификации римлян. Частично к этой проблеме обращались такие американские ученые как Генри Мадлен и Джеймс Шарон¹⁴.

Начать данное исследование необходимо, начиная с анализа основных мифов по данной тематике.

Это, прежде всего, миф «Рея Сильвия» (о божественном изнасиловании матери основателей Рима – Ромула и Рема Богом Марсом), миф «Похищение сабинянок» (изнасилование женщин соседнего племени ради продолжения рода), «Благочестивая Лукреция» (изнасилование добропорядочной матроны), миф «Виргиния» и другие (Liv. I. 3-4, I. 9.14-15, I. 58.4, III. 48.5; Ovid. III. 9-10, Ars Am. I. 89, II. 741-754). Практически во всех мифах изнасилование выглядит, как зло, но оно является весьма необходимым, вынужденным и чем-то таким, имеющим в конечном итоге положительные последствия. К примеру, в мифе

¹² А. Цуркан, *Имперское сознание римлян как мифологический феномен («к вопросу о специфике римского мифа»)*, «Вестник ВГУ» 2001, 1, с. 189.

¹³ Е. Штаерман, *Кризис античной культуры*, Москва 1975, с. 48.

¹⁴ M. Henry, S. James, *Woman, City, State: Theories, Ideologies, and Concepts in the Archaic and Classical Periods*, [in:] *A Companion to Women in the Ancient World*, eds. S. James, S. Dillon, Malden, MA 2012, p. 89-91.

о сабинянках законный брак (*matrimonio*) (Liv. I. 9,14) и порождение будущих римлян выглядит гораздо важнее чем сам акт насилия. В другом мифе благочестивая Лукреция – «отдает свое тело и жизнь» ради падения Монархии и становления Республики. Попытка изнасилования Виргинии помогает решить конфликт сословий (патрициев и плебеев)¹⁵. В двух последних историях также подчеркивается потеря мужчинами-опекунами контроля над женским телом (в первом случае – мужем, во втором – отцом), и то, что это приводит к катастрофе и жертве на благо государства (Ovid. *Amat.* I. 101ff). И это не удивительно, ведь основа традиций раннего римского брака основывается на праве «*manus*»¹⁶. Напротив, патриархальные общества, такие как римское, всегда предоставляют роль пассивного объекта желания женскому телу для удовлетворения мужчин и рождения новых граждан¹⁷. Таким образом, маскулинное сексуальное доминирование или унижение женского тела, оказались эффективными инструментами, во-первых, в подрыве старых властных отношений и создании нового политического режима или социальной иерархии, а во-вторых, что важно для нас – данный инструмент способствовал формированию новой гендерно-социальной структуры.

Другой фактор, сформировавший гендерно-социальную стратификацию римского общества, был связан с морально-этическими нормами *mos maiorum* («обычаи предков»). Это был условный комплекс проверенных временем принципов, традиционных моделей и правил соответствующего поведения, влияющих на частную, общественную и военную сферу жизни древних римлян¹⁸. *Mos maiorum* были негласными обычаями, однако занимали центральную часть в жизни древних римлян, ведь большинство правил политической и правовой системы основывались скорее на традициях, чем на законах и статутах¹⁹. «Текст» *mos maiorum* – это то, что было четко вписано в римскую коллективную память²⁰. Он доходчиво очертил и регламентировал образ жизни римского

¹⁵ A. Richlin, *Pornography and representation in Greece and Rome*, Oxford 1992, p. 112-130.

¹⁶ *Manus* – римское юридическое понятие, означающее власть главы семьи над его женой и ее имуществом. Название, берет корни от символа власти – руки, что и указывает на его характер. Для брака вида «*in manu*», свойственен переход женщины и ее имущества под абсолютную власть мужа либо нового *paterfamilias* (данный вид брака является характерным для ранней римской истории) См.: Й. Ирмшер, Р. Йоне, *Словарь античности*, Москва 1989, с. 331; R. Domingo, *Family Law in Ancient Roman Law*, “SSRN Electronic Journal” 2017, p. 3-4.

¹⁷ J. Palacios, *Miradas sobre lo femenino: discurso, estereotipos y representación*, “Asparkia: Investigació Feminista” 2014, 25, p. 94-95.

¹⁸ K. Hölkenskamp, *Reconstructing the Roman Republic: An Ancient Political Culture and Modern Research*, Princeton/Oxford 2010, p. 18; D. Hammer, *A Companion to Greek Democracy and the Roman Republic*, Malden, MA 2014, p. 217-218.

¹⁹ H. Rech, *Mos Maiorum: Wesen und Wirkung der Tradition in Rom*, Marburg 1936; M. Gagarin, *The Oxford Encyclopedia of Ancient Greece and Rome*, vol. 1, Oxford 2010, p. 1-2.

²⁰ Это воспоминание, привычка, комплекс форм, которые реализуются через социальную практику. См.: N. Gedi, Y. Elam, *Collective Memory – What Is It?*, “History and Memory” 1996, 1, p. 30-50.

народа в данную историческую эпоху. Какие же традиционные качества являлись важными для древнеримских граждан? Ранние римляне придавали значения таким качествам как *auctoritas* (авторитет), *dignitas* (достойный статус), *libertas* (свобода гражданина), *gratia* (благодарность), *honor* (честь), *virtus* (мужество, доблесть) и *pietas* (уважение к Богам, родине и предкам). Для женщин это *puicitia* (скромность и целомудрие) и *pudor* (стыд). С самого детства гражданин Рима рос, основываясь на данных принципах и следуя им в течение всей сознательной жизни. Приведем лишь один пример для подтверждения данного тезиса. Олицетворением *mos maiorum* был древнеримский начальник и консул с патрицианского рода Луций Квинций Цинциннат²¹.

Согласно его историческому портрету, в нем воплотились все добродетельные римские черты: *auctoritas* государственного деятеля, военного начальника, крестьянина и моралиста. Ведь даже латинский автор Тит Ливий пишет в своем рассказе: «Об этом полезно послушать тем, кто уважает в человеке только богатство, и считает, что честь и доблесть ничего не стоят, если они не принесут ему несметных сокровищ. Последняя надежда римского государства, Луций Квинций ...» (Liv. III. 26). Согласно показаниям первоисточников, он пахал землю, будучи в грязной одежде, в то время как послы пришли предложить ему должность диктатора. Луций согласился ради интересов общины принять полномочия диктатора, за 15 дней он смог собрать армию, победить и вернуться к своей земле и плугу (Dion. Hal. Ant. Rom. X. 24-25; Cic. De Senectute. X. 31-35; NH XVIII. 4; Dio Cass. V. 23, 2; Val. Max. IV. 4, 7). Почему же данный образ стал легендарным и олицетворял гражданские добродетели римского идеализированного гражданина?

На раннем этапе истории Рима, община носила преимущественно аграрный характер. Это «сельство», как совершенно верно отмечает Ю. Чернышов, определяло традиционный образ жизни, систему ценностей, а также образ мышления большинства членов этой общины-крестьян в течение нескольких веков²². Быть римлянином означало работать от имени своей семьи, пока государство не позовет тебя на выполнение государственного долга перед ним (то есть на войну). Сначала – отец семейства, затем – диктатор, и в конечном итоге – победитель, спаситель отечества. Эти роли и воплощает в себе легендарный образ Цинцинната. Он с честью (*honor*) и мужеством (*virtus*) защищает свободу римского гражданина (*libertas*), и с ними же возвращается к своему плугу и семье.

Для того чтобы сохранить вышеупомянутые ценности, римляне создали должность цензоров, которые должны были контролировать «правильный образ жизни», не относившийся ни к формальным, ни к правовым предписаниям (Liv. IV. 8.2)²³. Поскольку цензоры отвечали за мораль всего общества, в юридическом

²¹ M. Wilson, *The Needed Man: The Evolution, Abandonment, and Resurrection of the Roman Dictatorship*, CUNY Academic Works 2017.

²² Ю. Чернышов, *Древний Рим: мечта о золотом веке*, Москва 2013, с. 16.

²³ S. William, *A Dictionary of Greek and Roman Antiquities*, London 1859, p. 260-266; A. Astin, *Regimen Morum*, "Journal of Roman Studies" 1988, 78, p. 32.

плане все граждане должны были покоряться им. У них были большие полномочия – начиная от военной сферы и заканчивая частной (Cic. Leg. III. 7; Plut. Cat. mai. XVI. 1-2). Так, древнегреческий историк Дионисий Галикарнасский рассказывает о том, что они даже вмешивались в интимную жизнь граждан (Dion. Hal. Ant. Rom. XX. 13. 2-3). В то же время эти вмешательства основывались на основном римском принципе: частная жизнь – это эффективный и объективный показатель способности конкретного индивидуума управлять общественными делами. Если ты – хороший отец и муж, ты также являешься хорошим воином и политиком. В целом, цензоры выполняли роль «блюстителей морали» или, по терминологии социолога Бекера, «моральных предпринимателей»²⁴, контролируя соблюдение обществом такой нормы (качества) как pudor²⁵. Английский учёный Роберт Кастер, анализируя эту норму (pudor), и особенно, применяемые цензорами методы при ее соблюдении, указывает на сопровождающие эмоции, которые можно определить на наш манер как «ужас и дискомфорт»²⁶. Речь идет о том, что цензоры оказывали психологическое воздействие и давление на римлян путем нагнетания страха перед публичным посрамлением (ignominia), после которого бесспорно следовала потеря статуса в глазах общества (infamia)²⁷. С точки зрения психологии, и в частности, неофрейдистов, именно боязнь стать девиантным элементом в обществе, заставляла римлян бежать от свободы и подстраиваться под власть и систему²⁸. Исходя из этого, римскому обществу свойственно рецептивное установление «доминантных» отношений (если я покоряюсь человеку сильнее чем я, он дает мне все, что мне нужно) как во властных системах, так и в частной жизни²⁹. Это четкое разделение на доминирование и подчинение еще ярче выражено в таком явлении, как институт патроната. Римляне понимали под патронатом договорную систему отношений покровительства, которая осуществлялась касательно юридически свободных граждан³⁰. По упоминаниям первоисточников, в частности, Плутарха и Дионисия Галикарнасского, данный вид отношений зародился еще во времена правления основателя Рима – Ромула. Он ввел патронат, для того чтобы объединить два социально неравных сословия: патрициев и плебеев (Dion. Hal. Ant. Rom. I. 4,2; Plut. Rom. XIII. 3-6; Cic. Rep. II. 16). По большому счету институт патроната был довольно сложной действующей социальной асимметрией, которая создавала вертикальную сеть влияния и власти³¹. Собственно, в нем и прослеживается процесс, в котором

²⁴ H. Becker, *Outsiders: Studies in the Sociology of Deviance*, New York 1963, p. 147.

²⁵ Концепция pudor – это чувство стыда и социально-этического дискомфорта, которое появлялось от осознания себя как постоянного центра морализаторского взгляда общества, накладывающего ограничения на поведение человека. См.: С. Kaster, *The Shame of the Romans*, “Transactions of the American Philological Association” 1997, 127, p. 3.

²⁶ С. Kaster, *Emotion, Restraint, and Community in Ancient Rome*, Oxford 2005, p. 28.

²⁷ R. Langlands, *Sexual Morality...*, p. 18.

²⁸ Э. Фромм, *Бегство от свободы...*, с. 27.

²⁹ Там же, с. 24.

³⁰ S. Hornblower, A. Spawforth, *The Oxford Classical Dictionary (3 rev. ed.)*, Oxford 2005, p. 1126.

³¹ R. Sailer, *Personal Patronage under the Early Empire*, Cambridge, UK 1982.

сложные градации социального положения плавно перетекают в сексуальные отношения и становятся фактором, контролирующим построение римской сексуальности. Некоторые исследователи даже видят в различных латинских сюжетах перерастание классической модели патроната в «сексуальную» (Cic. Phil. 2. 44-45; Catull. 61; Juv. I. 40-41, IX. 59, 72; Mart. I. 23, VI. 50, IX. 63)³². В связи с этим можно вспомнить, немецкого ученого В. Кренкель, который подчеркивает, что граница между «сексуальным патронатом» и проституцией была достаточно тонкой³³. В римской сатире часто встречается тот факт, что даже клиента могут сравнить с любовником, ведь он также обязан удовлетворять хозяина и полностью подчиняться ему (Sen. Controv. IV. pr. 10)³⁴.

Более понятными эти сравнения становятся, если рассмотреть психологические истоки этого явления. Клиент является человеком без защиты, находящимся в затруднительном финансовом и правовом положении. Он чувствует свою незащищенность перед окружающим миром, поэтому начинает искать покровительство. В этом случае, по концепции Э. Фромма, клиент выступает в роли мазохиста³⁵. Мы же, продолжая этот тезис и применив схему гендерно-социальной стратификации Паркера³⁶, можем констатировать логический вывод, что клиент находил в патронате некую социальную форму, которая удовлетворяла его мазохистские наклонности, и, в свою очередь, клиент получал некоторую уверенность в себе благодаря единству с другими клиентами, разделяющими его чувства. В то же время он чувствовал себя полностью зависимым от патрона и обязанным выполнять для него все, чтобы удовлетворить его желание. Зато патрон чувствовал полную и безнаказанную власть над своим подчиненным. Данная модель отношений и ложится в основу гендерно-социальной стратификации, построенной на бинарных активно / пассивных ролях в дальнейшем.

Итак, мы с уверенностью можем утверждать, что гендерно-социальная структура древних римлян имела ярко выраженный «Доминантно-патриархальный» характер, ядро которого сформировалось еще во времена зарождения Рима, как города. Проанализировав предпосылки, причины и факторы, которые повлияли на это, мы можем выделить несколько основных аспектов.

Во-первых, психологический, тесно связанный с «комплексом неполноценности». Отсутствие известных фамилий и корней в родословной римлян, сформировало доминантный характер и имперские мифы. Стремление к доминации в политической жизни, привело к стремлению доминирования и в частной. Таким образом, доминация и насилие выступали основой римских сексуальных

³² R. Taylor, *Two pathic subcultures in ancient Rome*, "Journal of the History of Sexuality" 1997, 7, p. 329.

³³ W. Krenkel, *Pueri meritorii*, "WZR" 1979, 28, p. 181.

³⁴ R. Kaufman, *The Patron-Client Concept and Macro-Politics: Prospects and Problems*, "Comparative Studies in Society and History" 1974, 3, p. 285.

³⁵ Э. Фромм, *Бегство от свободы...*, с. 27.

³⁶ H. Parker, *The Teratogenic Grid...*, p. 47-63.

и брачных отношений: Марс (Бог войны) и Венера (Богиня любви) не просто выступали в мифологии «божественными родителями» Рима, но и интегрировались в психологию римлян³⁷.

Во-вторых, традиционный. Римское общество было сурово традиционным и патриархальным по своему характеру, поэтому не странно, что именно «ценности предков» и формируют правильные гендерные модели и роли. От них берут свое начало институты морально-этического контроля: цензура и патронат. В основе данных институтов генерировалась бинарная схема актива / пассива или доминирования / подчинения (цензор / римское общество, патрон / клиент), которая в дальнейшем занимает центральное место в гендерно-социальной структуре Древнего Рима.

Библиография

- Adler A., *Nauka zhit*, Kiev 1997
- Adler A., *Praktika i teoriya individualnoj psihologii*, Akademicheskij proekt 2011
- Astin A., *Regimen Morum*, "Journal of Roman Studies" 1988, 78, p. 14-34
- Becker H., *Outsiders: Studies in the Sociology of Deviance*, New York 1963
- Chernyshov Y., *Drevnij Rim: mechta o zolotom veke*, Moskva 2013
- Corbeill A., *Sexing the World: Grammatical Gender and Biological Sex in Ancient Rome*, Princeton 2015
- Curkan A., *Imperskoje soznanie rimlyan kak mifologicheskij fenomen («k voprosu o specifike rimskogo mifa»)*, «Vestnik VGU» 2001, 1, p. 180-193
- Domingo R., *Family Law in Ancient Roman Law*, "SSRN Electronic Journal" 2017
- Foxhall L., *Studying Gender in Classical Antiquity*, Cambridge 2013
- Fromm E., *Begstvo ot svobody; Chelovek dlya sebya*, Minsk 2000
- Fromm E., Maccoby M., *Social character in a Mexican Village: Englewood Cliffs*, New York 1970
- Gagarin M., *The Oxford Encyclopedia of Ancient Greece and Rome*, vol. 1, Oxford 2010
- Gedi N., Elam Y., *Collective Memory – What Is It?*, "History and Memory" 1996, 1, p. 30-50
- Hammer D., *A Companion to Greek Democracy and the Roman Republic*, Malden, MA 2014
- Henry M., James S., *Woman, City, State: Theories, Ideologies, and Concepts in the Archaic and Classical Periods*, [in:] *A Companion to Women in the Ancient World*, eds. S. James, S. Dillon, Malden, MA 2012
- Hölkeskamp K., *Reconstructing the Roman Republic: An Ancient Political Culture and Modern Research*, Princeton/Oxford 2010
- Hölkeskamp K., Stein-Hölkeskamp E., *Von Romulus zu Augustus. Große Gestalten der Römischen Republik*, München 2000
- Hornblower S., Spawforth A., *The Oxford Classical Dictionary (3 rev. ed.)*, Oxford 2005

³⁷ K. Pierce, S. Deacy, *Rape in Antiquity: Sexual Violence in the Greek and Roman Worlds*, London 2002, p. 219-220.

- Irmsher J., Jone R., *Slovar antichnosti*, Moskva 1989
- Karras R., *Active/Passive, Acts/Passions: Greek and Roman Sexualities*, "The American Historical Review" 2000, 105/4, p. 1250-1265
- Kaster C., *Emotion, Restraint, and Community in Ancient Rome*, Oxford 2005
- Kaster C., *The Shame of the Romans*, "Transactions of the American Philological Association" 1997, 127, p. 1-19
- Kaufman R., *The Patron-Client Concept and Macro-Politics: Prospects and Problems*, "Comparative Studies in Society and History" 1974, 3, p. 1-19
- Krenkel W., *Pueri meritorii*, "WZR" 1979, 28, p. 179-189
- Langlands R., *Sexual Morality in Ancient Rome*, Cambridge 2006
- Palacios J., *Miradas sobre lo femenino: discurso, estereotipos y representación*, "Asparkia: Investigación Feminista" 2014, 25, p. 92-110
- Parker H., *The Teratogenic Grid*, [in:] *Roman Sexualities*, eds. J. Hallett, M. Skinner, Princeton 1997
- Pierce K., Deacy S., *Rape in Antiquity: Sexual Violence in the Greek and Roman Worlds*, London 2002
- Rantala J., *Gender, Memory, and Identity in the Roman World*, Amsterdam 2019
- Rech H., *Mos Maiorum: Wesen und Wirkung der Tradition in Rom*, Marburg 1936
- Richardson S., Kamen D., *Revisiting Roman Sexuality: Agency and the Conceptualization of Penetrated Males*, [in:] *Sex in Antiquity: Exploring Gender and Sexuality in the Ancient World*, eds. M. Masterson, N. Rabinowitz, Routledge 2015
- Richlin A., *Pornography and representation in Greece and Rome*, Oxford 1992
- Roderick T., *Luxury at Rome: avaritia, aemulatio and the mos maiorum*, "Ex Historia" 2014, 6, p. 117-143
- Ronald S., *The Roman Revolution*, Oxford 2002
- Sailer R., *Personal Patronage under the Early Empire*, Cambridge, UK 1982
- Shtaerman E., *Krizis antichnoj kultury*, Moskva 1975
- Skinner M., *Sexuality in Greek and Roman Culture*, Malden, MA 2005
- Taylor R., *Two pathic subcultures in ancient Rome*, "Journal of the History of Sexuality" 1997, 7, p. 319-371
- William S., *A Dictionary of Greek and Roman Antiquities*, London 1859
- Wilson M., *The Needed Man: The Evolution, Abandonment, and Resurrection of the Roman Dictatorship*, CUNY Academic Works 2017

Summary

The problem of the formation of the gender-social structure in Ancient Rome: myth and tradition

The article examines the origins and prerequisites for the formation of the ancient Roman gender-social structure through the prism of the concept of neo-Freudians' "social character", in particular the American-English psychologist Erich Fromm. On the basis

of the analysis of early Roman mythology and traditions, its pronounced “dominant-patriarchal” character is determined, the core of which was formed at the time of the birth of Rome as a city.

The author singles out two main factors that influenced the creation of a gender-social structure: psychological (“inferiority complex”) and traditional (*mos maiorum*). It is determined that the “inferiority complex”, the absence of known surnames and genealogy among the Romans, forms the dominant character and imperial myths. The desire for domination in political life results in the desire for domination in the private sphere. It is also noted that the Roman “ancestral values” form the correct gender models and roles. From these values the institutions of moral and ethical control originate: censorship and patronage. It has been proved that a binary scheme of asset/liability or domination/subordination (censor/Roman society, patron/client) based on these institutions is generated and later occupies a central place in the gender-social structure of Ancient Rome.

